

в нем 161 пуд. Лил сей колокол Иван Маторин». ³⁴ Этот колокол 1708 г. получил прозвище Баран; к 1746 г. он был разбит и в конце концов пошел на литье лаврского Царь-колокола. ³⁵

Итак, чудесное и реальное в рассказе о чуде с колоколами неотделимы друг от друга. Кажущееся фантастическим известие об исчезновении старинного колокола, о том, что он избежал обычной судьбы и не был перелит на пушки, подобно другим, имеет, как мы могли убедиться, свои фактические основания. Даже утверждение рассказчика о негодности колоколов-«братевников», «потому что медь жестка», — вполне правдоподобно. Так, например, думный дьяк Приказа Артиллерии Андрей Винуус доносил Петру I, что «одна колокольная медь в пушки не годна». ³⁶ Кроме того, известно, что далеко не все доставленные в Москву колокола пошли на пушки. ³⁷ Значит, не только чудесным, но и самым реальным образом колокола могли уцелеть хотя бы в Москве. Самое название уцелевших троицких колоколов «братевники именуемы», возможно, связано с наименованием, правда, не двух, а четырех колоколов лавры — «четыре брата», о чем сообщается в лаврской книге надписей, составленной иером. Гедсоном в 1875 г. ³⁸

Возникновение чуда о колоколах, очевидно, ведет нас к современным событиям и, по-видимому, к обитателям Троице-Сергиева монастыря. Рассказчик хорошо знал обстановку в монастыре и вокруг него; может быть, он был знаком также и с делопроизводством. Однако круг его интересов неширок: зная об указе, он не связывает его с военными событиями или хотя бы со спешными военными заказами.

Для всего чуда в целом характерна некоторая «приземленность», своего рода бытописание. Так, например, поэтический образ затонувшего колокола значительно снижен его обречением не просто в пруде за монастырем, а во время колки и перевозки льда для монастырских погребов. Упоминаются рядовые люди: звонарь, человек, ударивший молотом по колоколу, люди, говорившие на площади, плотники. Вернее всего полагать, что чудо происходит из местной демократической среды, достаточно чуткой, чтобы откликнуться на современные события, но располагавшей сравнительно ограниченной информацией.

Возможно, что для характеристики поведения царя Петра I, приходившего будто бы с покаянием в Троице-Сергиев монастырь, образцом по-

³⁴ ГБЛ, ф. 303 (Троице-Сергиева лавра), № 725. Протоколы Учрежденного собора 1750 г., в лист, лл. 645—646 об.

³⁵ Арсений, иером. О Царь колоколе свято-Троицкой Сергиевской лавры, стр. 71, прим. 9 (здесь выборочно цитируются протоколы Учрежденного собора лавры, № 725). Поскольку известия этих протоколов были малодоступными, колокол 1708 г. нередко путали с колоколом, отлитым в 1714 г. Никоновский же колокол 1427 г. нередко смешивали с другим, также ранним никоновским, 1420 г., который сохранялся на месте до конца 1920-х годов. Пример путаницы этих двух колоколов см. в комментарии А. Ф. Бычкова к опубликованному им докладу Артиллерийского приказа 1701 г. (см.: А. Ф. Бычков. Уважение Петра Великого к памятникам старины, стр. 266). Ср. также: А. С. Орлов. Библиография русских надписей. М.—Л., 1936, стр. 117, № ССХ. Здесь приведена надпись на колоколе 1420 г., а колокол 1427 г. вообще не упоминают.

³⁶ Цитируется по кн.: Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1, стр. 71—72.

³⁷ Н. Оловянишников (История колоколов и колокололитейное искусство, стр. 314—315) сообщал, что в 1730-е годы из множества — до 600 штук — колоколов, лежащих на Пушечном дворе, отбирались «согласные голосами» уже не на пушечное дело, а для концертов колокольной музыки.

³⁸ Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881, стр. 82. «Четыре брата» — одновременного происхождения. В тексте чуда «братевники» «мастерства и дела меди в одно время литы».